

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Г. Ф. ДЕБЕЦ, М. Г. ЛЕВИН и Т. А. ТРОФИМОВА

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСОВ ЭТНОГЕНЕЗА *

1. Общие вопросы

Та отрасль антропологии, которая занимается изучением сходства и различия, однородности или разнородности этнических групп по их физическому типу и которая теперь обычно называется у нас этнической антропологией, зародилась и развивалась в тесной связи с изучением проблем этногенеза. Уже одно это обстоятельство не только дает нам право, но и обязывает рассмотреть ту роль, которую должны играть антропологические данные при разработке этногенетических проблем в свете сталинского учения о нации и языке.

Работы И. В. Сталина по вопросам языкознания открыли перед антропологами, как и перед представителями других специальностей, новые возможности в освещении проблем этногенеза, показав полную несостоятельность так называемого «нового учения о языке», оказавшего вредное влияние и на работы части советских антропологов, которые безусловно должны нести известную долю ответственности за пропаганду учения Марра¹. Это учение будто бы «подтверждалось» антропологическими данными.

В действительности эти данные не давали, конечно, основания для опровержения взгляда на происхождение родственных языков от языкоосновы. И даже антропологи, считавшие теорию Марра прогрессивной, не могли этого не видеть. Г. Ф. Дебец² вынужден был признать, что «на антропологическом материале теорию праязыка, причинно не связанного с расой, нельзя ни доказать, ни опровергнуть».

* Доклад на совещании по методологии этногенетических исследований, 30 октября 1951 г.

¹ См. Г. Ф. Дебец, Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии, Антропол. журн., 1932, № 1; его же, Так называемый «восточный великорусс», Антропол. журн., 1933, № 1—2; его же, Палеоантропология СССР, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. IV, М., 1948; Т. А. Трофимова, Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии, Труды Ин-та этнографии АН СССР, нов. серия, т. VII, М., 1949. Т. А. Трофимова и Н. Н. Чебоксаров, Значение учения о языке Н. Я. Марра в борьбе за марксистско-ленинскую антропологию, Антропол. журн., 1934, № 1—2; Н. Н. Чебоксаров, Из истории светлых расовых типов Евразии, Антропол. журн., 1936, № 2. Об ошибках Н. Н. Чебоксарова в вопросах этногенеза финноугорских народов, сделанных им в работах 1948—1949 гг. под влиянием теории Марра, см. его доклад «К вопросу о происхождении народов угрофинской языковой группы», публикуемый ниже, стр. 36—50.

² Г. Ф. Дебец, Расы, языки, культуры, Сборн. «Наука о расах и расизм», М., 1938, стр. 109.

Антропологические материалы подтверждали, конечно, правильность известного сталинского положения: «нация — не расовая и не племенная, а исторически сложившаяся общность людей»³. В таких случаях Н. Я. Марру совершенно неосновательно приписывались заслуги в «работке» этого положения. Антропологи, так или иначе следовавшие за Н. Я. Марром, видели эти заслуги в перенесении наблюдений над историей народов на историю их языков. Они оказались не в силах увидеть в учении Н. Я. Марра вульгаризацию и искажение четких и исчерпывающих сталинских положений.

Наиболее вредное влияние на развитие этнической антропологии оказала концепция происхождения родственных языков путем «социального схождения». Идя в этом отношении за Н. Я. Марром, его последователи в антропологии часто преждевременно прекращали работу над выяснением физических связей племен и народностей, говорящих на родственных языках. Тем самым роль антропологических данных в изучении проблем этногенеза искусственно снижалась, изучение этногенетических процессов отрывалось от фактической базы и подменялось искусственными схемами, в той или иной степени искажавшими действительную сущность этногенетических процессов.

Взгляды Н. Я. Марра и его последователей на распространение славянского языка по территории русской равнины, согласно которым это распространение рассматривалось как процесс языковой трансформации, отразились, например, на работах, касающихся антропологии восточных славян⁴. Антропологические данные о связях восточных славян с западными были предметом внимания в последнюю очередь, и о них говорилось вскользь, в то время как связи с неславянскими народами всячески подчеркивались, что приводило к одностороннему освещению многогранного процесса этногенеза русского народа. Проникновение типов западного происхождения на территорию русской равнины полностью, правда, не отрицалось, о чем мимоходом делались даже соответствующие оговорки⁵, а иногда и прямые указания, когда соответствующие выводы непосредственно диктовались фактами. Но само планирование антропологических исследований и публикаций сосредотачивалось главным образом вокруг тех групп русского народа, которые обнаруживали антропологическое сходство с народами финской семьи языков.

Непредубежденный читатель мог, правда, без особого труда истолковать эти данные как свидетельство ассимиляции финских языков славянским (древнерусским), но тенденциозный подбор фактов не мог, конечно, не снизить убедительности даже правильных частных выводов антропологической науки в глазах лингвистов и историков, не ослепленных учением Марра.

Следует также отметить ошибочное использование работ Марра в отношении тех или иных путей конкретных связей. Т. А. Трофимова⁶, установив исключительное сходство в типе черепов Балановского могильника и черепов древнего населения Закавказья и Передней Азии, пыталась подкрепить это наблюдение ссылками на фантастические марровские параллели в языке и наименовании чувашей с языком и наименованием шумеров. Так как подобные «параллели» можно найти у Марра по отношению к любым народам, то ссылка на его работы, конечно, не усиливала, а ослабляла аргументацию автора и ценность

³ И. В. Сталин, Марксизм и национальный вопрос, Соч., т. 2, стр. 293.

⁴ Г. Ф. Дебец, Указ раб., а также: К проблеме расового типа протофиннов, Ученые записки МГУ, вып. 63, Антропология, 1941.

⁵ Г. Ф. Дебец, Палеоантропология СССР, стр. 287; Т. А. Трофимова, Кри- бычи, вятичи и славянские племена Поднепровья, «Советская этнография», 1946, № 1.

⁶ Т. А. Трофимова, К вопросу об антропологических связях в эпоху фатьяновской культуры, «Советская этнография», 1949, № 3.

его наблюдений, сделанных вне всякой зависимости от марровского учения.

Надо, впрочем, сказать, что среди сторонников теории Марра усилия упомянутых выше антропологов осуществить «увязку» данных антропологии с «яфетической теорией» тоже не встретили сочувствия. В изданиях, находившихся в руках последователей «нового учения о языке», работы антропологов либо вовсе не упоминались, либо встречались резко враждебно, особенно тогда, когда совершенно очевидные факты заставляли антропологов признавать и устанавливать те или иные переселения племен и народностей⁷.

Дело в том, что советские антропологи в основном руководились не Марром, а непосредственно учением И. В. Сталина, согласно которому нации и народности сложились из различных рас и племен, поэтому основные выводы и достижения антропологической науки в СССР с теми или иными поправками сохраняют свое значение и на данном этапе изучения проблем этногенеза.

II. Соотношение антропологических типов с языковыми и этнографическими группами

Использование антропологического материала как исторического источника должно основываться на теоретической разработке соотношения антропологических типов с языковыми, культурными и этническими общностями.

В современной буржуазной антропологии в методологическом отношении существуют две основные трактовки этой проблемы.

1. Расистская: язык и культура — «душа расы».

Эта концепция отражает наиболее агрессивную идеологию империализма, в недалеком прошлом преимущественно германского, а ныне англо-американского. Это учение неоднократно подвергалось разбору и критике в трудах советских антропологов⁸.

2. Другая концепция представляет собой попытку буржуазных либералов отгородиться от звериной идеологии расизма. Путь, по которому обычно идут в этих случаях буржуазные либералы, ведет к агностицизму. Еще в 1900 г. С. Рейнак опубликовал в «L'Anthropologie» письмо, автор которого решительно заявлял: «раса и язык совершенно различные понятия, между которыми ни на один момент нельзя допустить ни тени сближения; обсуждение вопросов антропологии ни под каким видом не должно содержать ни одного слова, касающегося лингвистики, и наоборот».

Нетрудно видеть, что и этот подход неприемлем для советской антропологии, так как он отвергает пользу сотрудничества между разными областями знания и, конечно, не приближает, а отдаляет нас от познания истины.

Советские антропологи при использовании антропологического материала как исторического источника рассматривают расселение и смешение антропологических типов как следствие исторических процессов. Язык и культура могут распространяться и независимо от распространения антропологических типов, но антропологические типы никогда не распространяются без культуры и языка.

⁷ Г. И. Петров, Рецензия на «Антропологический журнал» № 2 за 1932 г., «Проблемы истории докапиталистич. обществ», 1934, № 6; его же, Рецензия на статью А. И. Ярхо «Туркмены Хорезма и Северного Кавказа», «Проблемы истории докапиталистич. обществ», 1934, № 2.

⁸ Сборн. «Наука о расах и расизм», М., 1938; Я. Я. Рогинский, Фриц Ленц и расы, «Антропод. журн.», 1934, № 3; М. Г. Левин, Я. Я. Рогинский, Н. Н. Чебоксаров, Англо-американский расизм, «Советская этнография», 1949, № 1.

Встречающиеся в антропологических работах выражения, вроде: «расселение монголоидов» или «смешение европеоидов с негроидами» — являются «техническими» выражениями специальной литературы. Если они и допустимы, то только для краткости. Никогда не следует забывать об их условном значении, так как в действительности подобного рода явления представляют собой лишь отражение в антропологических особенностях переселений и смешений племен, народностей и наций, т. е. исторических, а не антропологических общностей. Поэтому в тех случаях, когда антропологические данные указывают на распространение того или иного антропологического типа, перед историками и археологами, этнографами и лингвистами встает задача выяснения исторических условий, вызвавших это распространение, а также тех историко-культурных и языковых явлений, которые были с ним связаны.

Этот тезис является основным для теоретической разработки проблем этногенеза на антропологическом материале. В той или иной форме этот тезис уже излагался в советской антропологической литературе, но не получил дальнейшего развития. Совершенно несомненно, что теория Марра являлась для этого самой серьезной помехой. Дело в том, что успешная разработка данного тезиса исходит из предпосылки, согласно которой образование любого антропологического типа не может быть понято без изучения тех исторически складывающихся человеческих общностей, в которых формируются антропологические типы. Следовательно, антрополог обязан сопоставлять свои данные с данными археологии и языкознания, этнографии и истории о разных формах этнической общности людей, воплощенных в конкретных культурных и языковых группировках. А сторонники теории Марра как раз и не изучали этих группировок, высокомерно третируя попытки их выявления как влияние различных форм буржуазной идеологии. Поэтому антропологические исследования в лучшем случае должны были опираться на классификации буржуазных языковедов в том виде, в каком они были изложены десятки лет назад, без учета новых достижений языкознания. У последователей «нового учения о языке» этих достижений и не было, а труды лингвистов, в той или иной мере отходивших от позиций Марра, оставались в условиях аракеевского режима в большинстве случаев неопубликованными. Поэтому все попытки найти те общественные группировки человечества, на базе которых складывались антропологические типы, обычно тонули в «яфетической» путанице.

Только теперь, после того как труды И. В. Сталина вывели советское языкознание из тупика, советские антропологи имеют возможность действительно участвовать в коллективной разработке этногенетических проблем. Последовательная и непримиримая борьба с расистской фальсификацией исторического процесса не должна приводить к агностическому отрицанию пользы сотрудничества антропологии с языкознанием, этнографией, археологией и историей.

Роль антропологических данных в изучении процессов этногенеза была бы минимальной или даже сводилась бы к нулю, если бы исторические науки и языкознание имели все данные для освещения всех сторон и этапов этногенеза всех народов. Но так как пробелы в материалах этих областей знания еще весьма значительны, то результаты антропологических исследований могут иногда указывать и действительно указывают путь, по которому должны идти исследования языковедов, этнографов и археологов.

Значение антропологических материалов в общем возрастает по мере увеличения древности рассматриваемых этногенетических процессов. Исторические события последних столетий не должны, конечно, ускользать от внимания антропологов. Во-первых, они ведут не к меньшим изменениям антропологического состава населения, чем переселения доисторических эпох. Ясно, например, что отличия антропологиче-

ского типа ительменов и береговых коряков Камчатки в значительной мере обуславливаются тем, что в состав ительменов вошло гораздо большее число потомков русских переселенцев XVIII и XIX вв., чем в состав коряков. Недостаточное внимание к историческим событиям последних столетий и даже десятилетий может быть источником ошибок и заблуждений в интерпретации антропологических данных. Во-вторых, недавние исторические события обычно хорошо известны во всех своих деталях и позволяют точнее выяснить характер их отражения в антропологическом составе населения. Это имеет, конечно, большое методическое значение для уточнения теоретических предпосылок использования антропологического материала при разработке этногенетических проблем. Сами же по себе исторические события, достаточно подробно освещенные письменными и иными источниками, обычно не нуждаются, повторяем, в изучении их на основе антропологических данных.

Но чем дальше от современности, тем, в общем, большую роль начинают играть результаты антропологических исследований. Уже по отношению к процессам этногенеза, происходившим в условиях рабовладельческого и феодального строя, антропология играет роль важной вспомогательной дисциплины. Напомним хотя бы роль антропологических данных в критических замечаниях Д. Н. Анучина о славянской теории происхождения гуннов⁹. Еще больше примеров успешного использования антропологических данных для изучения этногенетических процессов сравнительно поздних эпох имеется в советской антропологической литературе. Н. Н. Чебоксаров¹⁰ широко использовал свои антропологические наблюдения для критики распространенной теории о формировании коми-зырян в результате переселения с Камы на Вычегду и Мезень. Распространенный в бассейне Мезени беломорский вариант, характеризующийся очень светлой пигментацией волос и глаз, сравнительно высоким ростом и мезокефалией, не мог проникнуть в занимаемую им область из бассейна Камы, где преобладает более низкорослый, скорее брахицефальный и темноволосый тип. Антропологические данные свидетельствуют, что в процессе формирования народов коми имел место скорее обратный процесс расселения носителей светлых европеоидных типов на Каму.

По отношению к более древним эпохам, не освещенным письменными источниками, роль антропологических данных еще более возрастает. В трудах советских археологов, касающихся древнейшей истории народов Сибири, значительно лучше изученной в палеантропологическом отношении, чем другие части нашей страны, ссылки на антропологические данные представляют собой обычное явление, наглядно свидетельствуя о плодотворности контакта различных областей знания¹¹.

Некоторые стороны исторического процесса были впервые освещены именно антропологическими данными. Приведем несколько примеров.

Т. А. Трофимова¹², исследовав черепа Луговского могильника ананьинской культуры, установила, что в нем преобладают черепа выражено монголоидного облика. Это ясно указывало на связи с Зауральем, притом только с лесной и лесостепной его полосой. Свидетельство антропологии было настолько определено, что оно вошло в качестве твердого положения в число основных фактов, используемых для изучения вопроса о происхождении ананьинской культуры. С тех пор не

⁹ «Труды V Археол. съезда», М., 1887; «Труды Этногр. отд. Об-ва любителей естествозн., антропол. и этнографии», т. VII, 1886.

¹⁰ Н. Н. Чебоксаров, Этногенез коми по данным антропологии, «Советская этнография», 1946, № 2.

¹¹ См., напр., С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1949; А. П. Окладников, История Якутии, т. I, Якутск, 1949.

¹² Т. А. Трофимова, Черепа из Луговского могильника ананьинской культуры. Ученые записки МГУ. вып. 63, Антропология, М., 1941.

было и не могло быть ни одной работы по этому вопросу, так или иначе не опиравшейся на результаты антропологического исследования¹³.

Е. В. Жиров¹⁴ также установил наличие монголоидной примеси в составе неолитического населения Карелии, оставившего могильник на Южном Оленьем острове (Онежское озеро). В сопоставлении с данными по антропологии современного населения европейского Севера этот факт также послужил твердым основанием для заключения об участии племен сибирского происхождения в заселении человеком этой территории. Антропологи категорически поставили перед археологами задачу поисков культурных влияний, шедших с востока, исходя из высказанного выше положения о наличии исторических причин в каждом переселении людей. И соответствующие археологические факты были найдены¹⁵, хотя и теперь еще данные антропологии в этом вопросе являются самыми обоснованными и наиболее существенными, не допуская иного объяснения, кроме того, которое было дано Е. В. Жировым.

Выходя за пределы нашей территории, следует отметить первостепенное значение антропологических данных в проблеме путей первоначального заселения Америки. Мы можем категорически утверждать, что предки коренного населения обеих Америк до огнеземельцев включительно некогда переселялись туда из Азии через область Берингова пролива. Можно еще спорить о том, был ли этот путь единственным. Но нет сомнения в том, что он был основным. Можно, конечно, спорить о том, насколько важно для науки установление этого факта. Но нет сомнения в том, что он устанавливается главным образом, даже почти исключительно, на основе антропологических данных. В языках народов Америки пока не удалось обнаружить достаточно убедительных свидетельств родства с какими-либо конкретными языками других частей света. Отдельные высказывания по этим вопросам представляют собой еще весьма шаткие гипотезы. В таком же положении и свидетельства этнографии. Археологические находки древнейших следов человека в Америке обнаружены пока в центре Северной Америки, далеко от возможных областей первоначального появления человека в этой части света, и тоже не дают прямых указаний на пути проникновения первых обитателей американского материка. Заметим, кстати, что самый факт переселения первых людей в Америку из другой части света, невозможность признать Америку хотя бы частью той области, где происходило превращение обезьяны в человека, также устанавливается в первую очередь на основании сопоставления данных антропологии и зоологии.

Не менее важны данные антропологии для разрешения проблемы населения Мадагаскара. В лингвистическом и этнографическом отношении этот остров относится к Индонезии. Встречающиеся на некоторых картах обозначения языков группы банту на западе Мадагаскара представляют собой результат недоразумения. В крайнем случае речь может идти о знании некоторыми обитателями острова языка суахили, являющегося торговым языком на востоке Африки. Культурные элементы африканского происхождения (рогатый скот и др.) также явно относятся к числу поздних заимствований. Археологические исследования находятся в зачаточном состоянии. Можно было бы думать, что Мадагаскар был впервые заселен с востока. Но данные антропологии с полной категоричностью указывают на существование африканских антропологических типов, особенно в западной части острова. Нет сомнения, что, когда археологические данные будут известны больше и лучше, в

¹³ См., напр., О. Н. Бадер, Древнее Поволжье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья, «Советская этнография», 1951, № 2.

¹⁴ Е. В. Жиров, Заметка о скелетах из неолитического могильника Южного Оленьего острова, «Краткие сообщения ИИМК», вып. VI, Л., 1940.

¹⁵ М. Е. Фосс, Культурные связи Севера Восточной Европы во втором тысячелетии до нашей эры, «Советская этнография», 1948, № 4.

них также обнаружатся следы древнего заселения острова из Африки. Данные антропологии уже позволяют предвидеть подобные открытия.

Научное исследование проблем этногенеза немислимо без установления форм этнической общности людей на разных уровнях развития общества. Здесь с наибольшей остротой встают проблемы периодизации первобытно-общинного строя. И в этой проблеме весьма существенным фактом являются данные антропологии. Переход от неандертальского человека к современному, несомненно, является следствием существенных перемен в общественной истории человека, и было бы величайшей ошибкой не учитывать результатов палеантропологических исследований при разработке проблемы периодизации истории первобытного общества.

При современном состоянии наших знаний значение антропологических данных неодинаково при разрешении этногенетических проблем на разных территориях. В общем использование антропологических данных наиболее эффективно в зонах контакта между расами первого порядка. К таким зонам принадлежат: западная Сибирь, русский Север, вся южная Азия, северная и восточная Африка. Это объясняется не столько сущностью самих этногенетических процессов, сколько степенью различия антропологических типов. Проследить негроидную примесь в среде европеоидного или монголоидного населения и, наоборот, — гораздо легче, чем установить примесь северных европейских типов среди южных или восточных монголоидных типов среди северных.

Поэтому значение антропологических материалов не адекватно степени различия сравниваемых групп в языковом и этнографическом отношении. Переселение карелов на территорию нынешней Калининской области, где они окружены русским населением, не изменило антропологического состава населения этой территории (в той мере, в какой это изменение может быть прослежено при современном состоянии наших знаний), хотя обе сравниваемые группы принадлежат к разным языковым семьям. Наоборот, переселение татар Поволжья в западную Сибирь, где они слились с сибирскими татарами, резко изменило антропологический состав последних, хотя обе группы татар этнически и лингвистически весьма близки. Аналогичные явления могли иметь место и в прошлом, поэтому возможны случаи, когда в антропологических данных полнее и ярче отражаются второстепенные исторические события и слабее проявляются или даже совсем не проявляются события, кардинально изменяющие этнический состав, языковую принадлежность и культурные связи населения исследуемой территории.

Отсутствие прямых соответствий в антропологической и лингвистической классификациях установлено еще в прошлом столетии. С тех пор это стало «азбучной истиной». Совершенно ясно, однако, что, наряду с многочисленными примерами принадлежности народов, говорящих на родственных языках, к разным расам и антропологическим типам, можно указать на ряд случаев, когда даже соседние народы различаются и по языку и по типу. Выяснение соотношений между антропологическими и языковыми связями народов и является основным путем комплексного изучения процессов этногенеза, путем, на котором одинаково вредны как предвзятые попытки установления соответствий, так и принципиальное, вопреки очевидности, отрицание существующих параллелей. Этот вопрос заслуживает более детального рассмотрения.

Семьи родственных языков, возникающие в процессе расхождения языка-основы, исторически складываются в различных условиях; либо в процессе языковой ассимиляции, когда при смешении языков один из них выходит победителем (примеры: романские языки, вероятно, также тюркские, самодийские языки на севере и т. д.), либо в результате распада языка народа, расселяющегося в условиях первоначального освоения территории (примеры: эскимосы, полинезийцы).

В первом случае побежденные языки в той или иной мере оказывают влияние на победивший язык, обогащая его словарный запас и видоизменяя различные, большей частью второстепенные, особенности его грамматической структуры. Во втором случае влияние иных языков отсутствует и изменение языка-основы происходит исключительно по внутренним законам развития языка в связи с историей отдельных групп расселяющегося народа. Если с чисто лингвистической точки зрения различие между обоими путями формирования языковой семьи и не особенно существенно, поскольку в том и другом случае в основе лежит один исходный язык и поскольку ассимиляция неродственных языков не исключает изменения языка-основы по внутренним законам развития, то с точки зрения истории народов оба пути представляются весьма различными. Весьма существенным является решение вопроса о том, в какой форме исторические процессы, обусловившие различные пути складывания языковой общности, отражаются на образовании антропологических типов.

Значительная разнородность антропологических типов, входящих в состав народов, лингвистически более или менее близких, при отсутствии переходных форм между этими типами, свидетельствует скорее о формировании языковой общности в результате ассимиляции. Так, повидимому, обстоит дело с тюркскими языками в западных областях их распространения. Азербайджанцы, например, имеют в своем составе совершенно ничтожную примесь монголоидных элементов и, судя по всем данным, антропологически весьма близки к тем группам населения Азербайджана, процесс перехода которых на язык тюркской семьи еще не завершился (удины, таты, курды и др.). Другим примером подобного же соотношения языковой и антропологической принадлежности могут служить некоторые калифорнийские племена, говорящие на языке алгонкинской семьи, но антропологически близкие к остальным калифорнийцам. Следует, однако, специально подчеркнуть, что антропологическая близость не дает основания отрицать процесс ассимиляции. Тунгусские языки, например, распространены на очень большой территории, и распространение их, по всем данным, происходило путем ассимиляции, но тунгусоязычные группы в антропологическом отношении в общем довольно однородны. Это объясняется тем, что дотунгусское население Сибири было также в значительной степени однородным в антропологическом отношении. Не являясь, таким образом, бесспорным свидетельством против предположения об образовании языковой семьи путем ассимиляции языком-основой неродственных языков, антропологическая однородность народов той или иной языковой семьи, той или иной географической области ставит перед исследователями истории этих народов новую задачу выяснения тех форм исторической общности, которые привели к образованию единого антропологического типа. В частности, перед лингвистами и этнографами стоит задача установления тех форм исторической общности, которые привели к образованию сравнительно однородного антропологического типа народов Дагестана.

Языковой общности, связанной с расселением группы в условиях первоначального освоения территории, соответствует обычно и близость антропологического типа, несмотря на то, что в этих случаях особенно сильно сказывается непосредственное влияние среды на формирование антропологических признаков, вследствие чего возможно значительное расхождение в пределах единого антропологического типа. Упомянутые уже эскимосы и полинезийцы характеризуются довольно четко очерченными антропологическими типами, которые обычно фигурируют в классификациях под этническими наименованиями, что в данном случае не вызывает никаких неудобств.

Антропологические данные могут играть важную роль в определении тех субстратов или «суперстратов», которые принимали участие в обра-

зовании отдельных народов и, главное, в определении характера конкретных исторических явлений, обусловивших процесс распространения языка. На Северном Кавказе, например, кумыкский и ногайский языки одинаково входят в число тюркских языков. Однако кумыки антропологически целиком связаны с соседними кавказскими народами, и в их составе пока не удалось обнаружить сколько-нибудь определенных следов центральноазиатских монголоидов, а у ногайцев монголоидные элементы выступают совершенно отчетливо. Ясно, что исторические условия формирования этих двух народов были существенно различны. И если с точки зрения языкознания, распространение тюркских языков среди кумыков и среди ногайцев представляет собой один и тот же процесс, то это говорит только о недостаточности данных языкознания для выяснения истории народа.

В этом примере антропологические данные непосредственно согласуются с этнографическими. Бывают, однако, случаи, когда свидетельства антропологии далеко не столь ясно подкрепляются другими данными, но тем не менее вполне определены. Давно уже установлено, например, что русские в разных областях обнаруживают тесную антропологическую близость с соседними народами финской семьи. Соответствующие наблюдения делались, правда, также на этнографическом и лингвистическом материале, но эти выводы далеко не столь определены, как свидетельства антропологии. Последние сами по себе позволяют утверждать, что финские элементы играли весьма существенную роль в образовании русского народа, независимо от того, насколько заметна эта роль в данных этнографии и лингвистики. Вместе с тем в отдельных областях русской равнины распространение славян явно связано было с распространением антропологического типа, отличающегося от типа соседних финских народов. Так обстоит дело, например, на северо-западе русской равнины, где, несмотря на относительную близость антропологических типов, палеантропологические данные все же ясно отражают этапы славянской колонизации.

Гипотеза возникновения языковой общности в результате сближения языков, входящих в состав «первобытной лингвистической непрерывности»¹⁶, предполагает длительное общение разных групп между собой, сопровождающееся брачными отношениями, адаптацией и т. п. Это, естественно, должно было бы приводить к возникновению антропологических связей, к «антропологической непрерывности» и, следовательно, к образованию картины, внешне весьма сходной с той, которая образуется в результате распада языка-основы в условиях первоначального освоения территории. С другой стороны, гипотеза «лингвистической непрерывности» не обязательно предполагает, что общение разных групп, входивших в состав формирующейся общности, охватывало всю территорию данной «непрерывности». Крайние группы такой общности могли оставаться антропологически весьма различными, а последующие исторические процессы консолидации отдельных групп могли привести в некоторых случаях к исчезновению переходных форм, почему опять-таки может получиться картина, внешне весьма сходная с той, которая образуется в результате формирования языковой общности в процессе ассимиляции языков разных групп языком-основой.

Таким образом, изучение антропологических типов только «в прошлом», т. е. основанное только на исследованиях современного населения (или хронологически близкого к современному), не всегда может дать указания на характер исторических явлений, которые привели к формированию той или иной языковой общности. В ряде случаев эти исследования должны быть обязательно дополнены анализом пале-

¹⁶ С. П. Толстов. Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития советской этнографии, «Советская этнография», 1950, № 4.

антропологических данных, указывающих на хронологическую последовательность и позволяющих, в сочетании с археологическими данными, судить о конкретной исторической обстановке, вызвавшей изменение антропологического состава населения изучаемой территории.

Вопросы классификации народов по особенностям культуры остаются в нашей литературе совершенно неразработанными. В общей форме можно говорить о двух принципах этнографической или историко-культурной классификации.

1. Классификация по хозяйственно-культурным типам (в качестве примеров хозяйственно-культурных типов можно привести арктических приморских охотников, оленеводов тундры, кочевников-скотоводов степей и др.) исходит из направления хозяйственной деятельности и связанных с ней особенностей культуры.

2. Классификация по так называемым историко-этнографическим областям, т. е. общностям, складывающимся на определенной территории в результате длительных связей, взаимного влияния, общности исторических судеб населяющих данную область народов. Примером историко-этнографической области может служить амуро-сахалинская область, где нанайцы, ульчи, орочи, удэгейцы, ороки, нивхи обнаруживают, несмотря на существенные различия в хозяйстве и быте, значительное сходство по очень многим признакам материальной и духовной культуры.

Если на этнографическом материале бывает обычно легко различить оба типа общностей, то на археологическом разграничение их встречается порой со значительными затруднениями, что объясняется фрагментарностью археологических объектов. В археологической литературе термин «культура» применяется как к тому, так и к другому из указанных типов культурной общности. Для выяснения той роли, которую могут сыграть антропологические данные в разграничении типов «археологических культур», следует обратиться к соотношениям антропологических типов с обеими формами культурной общности на этнографическом материале.

Принадлежность группы к тому или другому хозяйственно-культурному типу имеет, конечно, прямое отношение к исследованию процессов формирования антропологических типов. Здесь необходимо учитывать ряд обстоятельств.

1) Влияние различных условий среды и образа жизни на формирование антропологических признаков.

Давно уже замечено, что палеолитические, а частично также неолитические типы отличаются от современных большей массивностью лицевого скелета, более развитыми надбровными дугами и другими признаками. Замечено также, что в южных районах эти особенности сглаживаются раньше, чем в северных. Вполне закономерно поставить вопрос о значении земледелия и связанного с ним изменения пищи для объяснения этих процессов.

2) Неодинаковая подвижность групп при разных типах хозяйства и связанная с этим большая или меньшая степень их изолированности.

Совершенно очевидно, например, что поразительная однородность физического типа казахов от Иртыша до Урала в значительной мере объясняется условиями кочевого скотоводческого хозяйства, а гораздо большей разнородности антропологического типа населения Европы немало способствовала длительная оседлость в условиях земледельческого хозяйства.

3) Различия в демографических процессах у групп, относящихся к разным хозяйственно-культурным типам.

Якуты, например, антропологически в общем отличаются от тунгусов. Численность представителей «якутского» (условно) антропологического типа в Якутии во много раз превосходит численность представи-

телей «тунгусского» типа. Между тем в момент переселения якутов на север они, по всем данным, даже уступали тунгусам по численности. Современное соотношение объясняется не массовым характером переселения якутов, а гораздо большим приростом населения в скотоводческих группах по сравнению с охотничьими. Аналогичные явления могли иметь место и в прошлом и оказать существенное влияние на соотношение разных типов в палеантропологических материалах.

Поскольку сходные хозяйственно-культурные типы могут развиваться независимо друг от друга и общность в этих случаях не обуславливается историческими связями, взаимодействием разных групп, — нет оснований предполагать при этой общности близость или особые генетические связи антропологических типов. Не существует, например, специфической антропологической общности ни у охотников на морского зверя от Белого моря до Гренландии, ни у скотоводов евразийских степей, ни у древних земледельцев в долинах больших рек от Янцзы до Нила.

Следовательно, при решении этногенетических проблем классификация по историко-этнографическим областям имеет гораздо большее значение. Очевидно, что сложение антропологических типов определенной территории связано с формированием той общности, которая выступает как историко-этнографическая область. За последние годы была проделана значительная работа по изучению историко-культурных связей народов Сибири. В результате намечилось несколько историко-этнографических областей: западно-сибирская, алтае-саянская, восточно-сибирская, камчатско-чукотская и амурская. Одновременно, но независимо разрабатывалась антропологическая классификация народов Сибири. Выделенные группы типов: уральская, центрально-азиатская, байкальская и арктическая соответствуют (в порядке перечисления) историко-этнографическим областям, последняя, амурская, область характеризуется распространением амуро-сахалинского антропологического типа, не нашедшего места ни в одной из перечисленных групп типов и занимающего обособленное положение. Сходную, повидимому, картину можно наблюдать и в Северной Америке. Хотя американские этнографы недостаточно ясно различают оба упомянутых типа культурной общности и хотя материалы, собранные американскими антропологами, методически весьма несовершенны, можно все-таки заметить, что антропологические типы в общем соответствуют историко-этнографическим областям (но ни в коей мере не группам языковой классификации).

Исходя из этих данных, можно попытаться определить характер тех или иных археологических культур и групп этих культур, хотя палеантропологические материалы еще гораздо более фрагментарны, чем археологические. Можно, например, утверждать, что черты сходства «культур круглых курганов» Британии с «культурой колоколовидных кубков» Центральной Европы объясняются их историко-этнографической общностью, что такой же характер носит «андоновская культура» Казахстана и Минусинской котловины. Можно, наоборот, высказать серьезные сомнения в историко-этнографической общности «культур крашеной керамики» по всей территории их распространения или «скифо-сибирских культур», связи которых если и существовали, то не имели глубокой исторической базы.

Работа в этом направлении только начинается, поэтому, конечно, многие вопросы совершенно еще не разработаны, в особенности вопрос о характере историко-этнографических общностей на разных этапах развития общества и, в связи с этим, вопрос о соотношении антропологических типов с этническими общностями, складывающимися в различные периоды истории человечества. Выяснение этих вопросов является наиболее актуальной задачей разработки методов и приемов использования антропологических материалов для изучения проблем этногенеза.

III. Методические вопросы

Одной из главных трудностей в деле использования антропологического материала как исторического источника, одной из основных причин ошибок и заблуждений является смешение понятий сходства и родства антропологических типов. Наглядными примерами сходства, не свидетельствующего о прямом родстве, являются: «европеоидный» облик айнов, «монголоидные» черты у бушменов и готтентотов. Весьма вероятно также, что примесь светлых оттенков глаз у различных европеоидных типов имеет иногда самостоятельное происхождение, не свидетельствуя о прямом родстве. Можно утверждать далее, что выделение в составе европеоидной расы группы «темных брахицефалов», распространенных от Памира до Альп, не имеет реального генеалогического обоснования. Классификация типов по сходству независимо от степени родства может иметь значение для разработки теоретических проблем, связанных с общими вопросами формирования антропологических типов, с изучением факторов расогенеза и т. п. Однако для разработки проблем этногенеза основное значение имеет генеалогическая классификация, в которой типы группируются не по сходству, а по родству.

Оба принципа классификации отнюдь не характеризуются полной независимостью. Морфологический критерий, лежащий в основе классификации по сходству, является также самым главным, но не единственным критерием классификации по родству. Для построения генеалогической классификации важнейшее значение имеет установление генеалогического значения отдельных признаков. Разработанный советским антропологом А. И. Ярхо принцип таксономической равноценности антропологических признаков и категорий антропологической классификации лежит в основе метода дифференцированного сравнения, использованного в работах большинства советских антропологов и содействовавшего правильному пониманию родства антропологических типов. Сущность этого метода состоит в том, что разные признаки имеют разную степень стабильности и, следовательно, в разной мере пригодны для установления родства. Длина тела, например, или форма черепа менее стабильны, чем форма волос, развитие волосяного покрова на теле или ряд особенностей в строении лица. Недостаточное внимание к этому основному принципу антропологической классификации неоднократно приводило к существенным ошибкам. К числу таких ошибок, неоднократно повторяющихся у разных авторов, относится, например, сближение брахицефалов Центральной Европы с брахицефалами Центральной Азии или выделение особой «пигмейской расы».

Применение метода дифференцированного сравнения приводит, однако, к положительным результатам только в том случае, когда таксономическое значение признаков определено правильно. Особенно большие затруднения вызывает оценка систематического значения признаков при разграничении типов внутри основных человеческих рас: европеоидов, монголоидов, негроидов.

При оценке значения отдельных признаков, используемых в антропологии для разграничения типов, входящих в состав одной большой расы, следует исходить из тех же критериев, что и при определении «ценности» признаков в общечеловеческом масштабе. Критерии эти в значительной мере содержатся в характере географической дифференциации признаков. При взгляде на мировые карты распределения признаков легко заметить, что в одних случаях свойства признака практически одинаковы на больших площадях, охватывающих порой целые материк. Такой тип географической дифференциации, который можно назвать компактным, обнаруживает, например, резкая уплощенность лица, область распространения которой охватывает восточную Азию, курчавоволосость, локализованная в Африке и в Меланезии, сильное разви-

тие третичного волосяного покрова, область которого широкой и сплошной полосой разрезает эйкумену от Европы до Австралии и т. п. Наоборот, такие признаки, как длина тела, головной указатель, профиль спинки носа и другие, характеризуются весьма пестрым или дисперсным типом дифференциации, когда сходные свойства встречаются отдельными участками в разных областях земного шара.

Уже на этом основании можно сделать предварительное заключение о большей или меньшей древности и, следовательно, о большей или меньшей ценности отдельных признаков для генеалогической классификации. Свойства, распространившиеся на целые материки, очевидно, являются более древними, так как для их распространения должно было потребоваться больше времени. На характере географической дифференциации признака может, правда, сказываться также степень его биологической жизненной важности или приспособленности к среде. Естественно, что по более важным в этом смысле признакам сходство (в сходных условиях среды) выработается скорее, чем по признакам, биологически безразличным. Однако по отношению к человеку можно говорить о приспособлении к географической среде только для древнейших периодов истории человечества; тем самым даже такие явно приспособительные признаки, как цвет кожи, часто являются свидетельствами общности происхождения.

Легко заметить, что признаки, характеризующиеся компактным распределением, обнаруживают сосуществование в определенных комбинациях, причем эти комбинации проявляются только при сравнении групп, а не индивидов. Русская школа сравнительных анатомов называет подобную форму сосуществования координаций¹⁷. На территории СССР наблюдается, например, ясно выраженная координация между развитием третичного волосяного покрова, частотой эпикантуса, профилем верхней губы и другими признаками, функционально не связанными между собой. Наоборот, форма черепа не связана координацией ни с какими другими признаками и встречается в любых комбинациях с ними. Есть все основания думать, что это объясняется более коротким временем существования признаков, характеризующихся дисперсным типом географической дифференциации. Устойчивые комбинации просто не успели сформироваться.

Таким образом, критерием для установления таксономической ценности признака является время его образования, определяемое косвенным путем. Практический вывод из формулированного заключения о критерии таксономического разграничения признаков состоит в том, что признак является более или менее значимым для антропологической классификации не сам по себе, а в зависимости от характера его распространения и координации с другими признаками. Отсюда неизбежно вытекает признание условности разграничения признаков по категориям. Один и тот же признак может иметь разную таксономическую ценность в разных географических зонах, причем в зонах компактного распространения эта ценность выше. Наглядным примером могут служить бушмены. По форме волос и носа они сближаются с негроидами, по цвету кожи и строению века — с монголоидами. Негроидные признаки в данном случае являются более важными для установления родства, так как они примыкают к зоне их компактного распространения в экваториальной Африке.

Определение таксономического значения признака является, таким образом, не исходной предпосылкой, а начальным этапом исследования. Это в особенной мере относится к установлению различий внутри больших рас.

По отношению к Сибири удалось уже выяснить, что классификация

¹⁷ Иногда эта форма связи признаков называется исторической корреляцией.

населяющих эту область типов монголоидной большой расы должна исходить в первую очередь не из головного указателя, как это первоначально пытались делать, а из других признаков. По отношению к сибирским монголоидам такими признаками наиболее высокой таксономической ценности являются: степень выступания носа, вертикальная профилировка лица (т. е. степень склонности к прогнатизму), ширина грушевидного отверстия на черепе, количество смешанных оттенков глаз, развитие волосяного покрова на лице и строение верхнего века.

По отношению к другим областям СССР и земного шара подобная работа еще не проделана и существующие классификации нуждаются в пересмотре, хотя, конечно, этим отнюдь не исключается возможность того, что эти классификации окажутся действительно отражающими родственные связи антропологических типов.

Принимая во внимание возможности ошибок в определении таксономического значения признаков при пользовании методом дифференцированного сравнения, результаты анализа, основанного на морфологическом критерии, следует обязательно контролировать путем:

а) возможно более широкого использования палеантропологических данных, дающих прямые указания на последовательность смены типов;

б) всестороннего биологического анализа признаков, их функциональной сущности и путей развития;

в) учета этнического и географического распределения полученных комбинаций признаков.

Последний пункт связан, таким образом, с требованием не только использовать антропологический материал в качестве исторического источника, но также использовать исторические данные для изучения процессов образования антропологических типов.

Только таким путем может быть осуществлен принцип комплексного подхода к изучению проблем этногенеза, принцип, лежащий в основе советской науки об этногенезе и базирующийся на одном из главных положений марксистского диалектического метода, согласно которому «любое явление может быть понято и обосновано, если оно рассматривается в его неразрывной связи с окружающими явлениями, в его обусловленности от окружающих его явлений»¹⁸.

¹⁸ И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, Госполитиздат, стр. 536.